

Глава XXIX

О ДИКИХ ЗВЕРЯХ, ВОДЯЩИХСЯ В ЛАПЛАНДИИ

Лапландии водится немало хищников, но первое место среди них, бесспорно, принадлежит медведю, которого лопари недаром считают царем лесов. "Медведя лопари считают первым из всех зверей и называют его владыкой лесов, т.е. повелителем всех прочих лесных хищников", – говорит Самуил Реен, – добавляя, что медведь вполне заслужил такую оценку, будучи во много раз свирепее и сильнее остальных зверей.

Медведей немало водится в Лапландии. Особенно лютыми считаются те, у которых вокруг шеи идет белая полоса наподобие цепи или воротника, а такие медведи довольно часто встречаются на Севере. Медведи причиняют лопарям много зла, нападая на оленей и расхищая их запасы мяса, рыбы и прочего, спрятанные в особых кладовых, устроенных на спиленной верхушке дерева, о которых мы уже говорили. Если медведю удастся повалить столб, на котором держится этот своеобразный амбар, то он за одну ночь уничтожает плод трудов лопаря и пропитание всей семьи, заготовленное на зиму.

Кроме медведя к числу крупных зверей следует отнести лося. Скалигер смешивает лосей с оленями, считая обоих одной и той же породой. "Лоси, – пишет он, – шура которых напоминает ослиную, называется шведами *randgifer*, немцами *ellend*, московитами лоси (*lozzi*). Я нашел в одних записках, что в Норвегии они известны под названием "rehen".

Что это за записки, о которых упоминает Скалигер, мне неизвестно, зато я знаю с точностью, что лося норвежцы называют отнюдь не *rehen* (олень), а *aelg* (лось). Московитское (русское) название "лось" совпадает с литовским (*lose*), о чем свидетельствует Герберштейн.

Итак, лось (*lozzi*, *loss*, *aelg*, *ellend*) есть совершенно особый вид животных, значительно отличающийся от оленя. Прежде всего, он гораздо крупнее его, достигая величины крупной лошади, рога у него более коротки, плоски и очень широки, с менее выраженной ветвистостью. Ноги гораздо длиннее оленьих, особенно передние, которыми он бьет со страшной силой нападающих на него собак и охотников, что особенно опасно потому, что копыта его узки и остры. Он отличается от оленя и строением головы, более длинной, с большими и толстыми отвислыми губами. Лось гораздо темнее оленя, и притом шура его серовато-бурого оттенка.

При движении лося совершенно не слышно того хруста суставов, который, как мы указывали, так характерен для северных оленей. Одним словом, всякий, кто хоть однажды видел этого зверя, а мне это не раз посчастливилось, не станет сомневаться в том, что лось и олень являются совершенно разными животными. Впрочем, лось попадает в Лапландию сравнительно редко и заходит туда из других стран, главным образом из Литвы.

Согласно указу Карла IX, о котором мы говорили выше, шура лося, убитого в Лапландии, подлежит передаче в королевскую казну.

Олаф Петерсон пишет о лосях следующее: "Лоси встречаются чаще в южной части Лапландии, загоняемые туда преследованием лопарей или охотящихся на них крестьян (шведских, финских). Вообще они попадаются очень редко. Известно лишь, что лоси дважды в год в довольно большом количестве приходят из Карелии, переправляясь через реку Ниву (*Nivae*) (Нива – река на Кольском полуострове. – Прим. ред.). Весной целыми стадами они уходят в Карелию, а осенью возвращаются обратно в Россию".

В Лапландии водятся также обыкновенные олени. Самуил Реен, перечисляя диких животных, встречающихся в этой стране, упоминает о них: "В Лапландии водятся разные виды животных: лесные (северные) олени (*rangiferi*), медведи, обыкновенные олени (*cevi*), волки, росомахи, бобры, выдры, лисицы, куницы и белки. Однако эти олени очень немногочисленны и мелки и скорее относятся не к оленям, а к диким козам или ланям (*damascervi*). Так как они ничем не отличаются от встречающихся в других странах, то мы ограничимся лишь упоминанием о них.

Больше всего в Лапландии диких лесных (северных) оленей (*rengiferi sylvestres*), но так как они лишь несколько более крупным ростом и темной окраской разнятся с домашними, то и на них мы не будем долго останавливаться, дав уже достаточно подробное описание этих последних.

Волки большими стаями бродят по Лапландии. Они светлее, белее волков, встречающихся в других местах, почему некоторые авторы дают им название "белых волков", шерсть на них длиннее и гуще.

Волки часто опустошают стада оленей, защищающихся от их нападения копытами и рогами. Андрей Бурей сообщает странную подробность, что волки будто бы никогда не нападают на оленя, привязанного к столбу или к дереву. Это происходит, может быть, потому, что, видя неподвижное животное и привязь, волк опасается какой-нибудь ловушки, будучи от природы чрезвычайно осторожным и в высшей степени подозрительным зверем. Вероятно также, что он боится в этом случае находящейся поблизости людей, которые обычно привязывают к столбу оленей, собираясь доить их.

Волки нападают не только на оленей, но и на людей, в особенности на детей и беременных женщин. Олаф Магнус посвящает этому вопросу пространное описание: "Часть лопарей живет на растущих четырехугольником деревьях, спасаясь от глубоких снегов, которые могли бы совсем занести жилище, устроенное на земле, а также защищаясь от диких зверей, рыскающих несметными стаями и пожирающих все живое. В случае приближения стаи волков особенно стараются оберечь детей и беременных женщин, которых волки чуют издали, как более нежную

и заманчивую пищу. Поэтому женщины никогда не пускаются в путь без вооруженного спутника".

Нередко встречаются в Лапландии и росомахи с круглой головой, похожими на волчи крепкими и острыми зубами и большим телом на коротких, как у выдры, ногах. мех этих животных совершенно черный, действительно, довольно красив и, по словам Олафа Магнуса, напоминает черный бархат. Некоторые даже сравнивают его с собольим, хотя надо сказать, что у соболя отдельные волоски нежнее и мягче.

Росомаха живет не только на суше, но и в воде, подобно выдре, хотя вообще гораздо крупнее и сильнее ее. Ввиду этого образа жизни некоторые сближают ее с выдрой. Она не уступает выдре в прозорливости, а скорее даже превосходит ее в этом отношении. По-шведски она называется *jerff*, а по-немецки *vielfrass*, т.е. обжора. Впрочем, Скалигер, называет ее не *vielfrass*, а *wildfrass* (*viel* – много, *wild* – дикий, *fressen* – жрать), толкуя это название в том смысле, что она питается лесной дичью. По-видимому, он неправильно усвоил смысл немецкого слова или в сочинение его вкралась опечатка, т.к. росомеха, кроме дичи питается домашними животными и даже рыбой.

Бобров в Лапландии очень много, т.к. реки повсюду кишат рыбой, служащей им прекрасной пищей. Обилие рыбы в реках и озерах Лапландии Олаф Магнус объясняет отсутствием на них судоходства. "В северных водах, – пишет он, – водится множество бобров, т.к. там не распугивает животных постоянное движение судов, как на Рейне или на Дунае". Ни о бобрах, ни о выдрах, тоже довольно

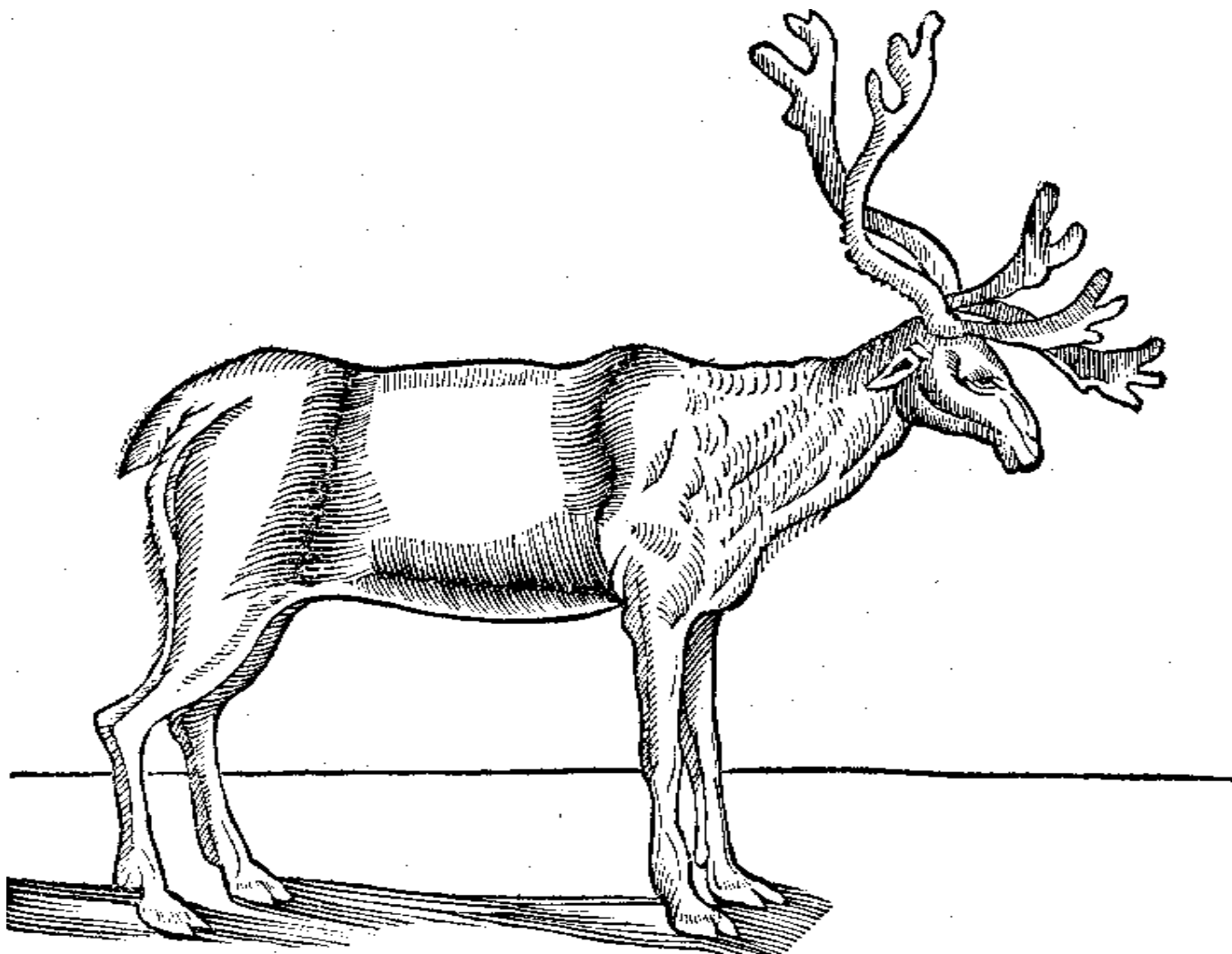
многочисленных в Лапландии, мы не будем говорить подробнее, т.к. и они ничем не отличаются от обыкновенных (последний бобр в Русской Лапландии был уничтожен в 1880 г. – Прим. ред.).

Остановимся теперь на лисах, разнообразнейшие породы которых повсеместно встречаются в Лапландии. Среди них, кроме обыкновенных, попадаются черно-бурые, серебристые, белые и меченные крестообразными полосами.

Больше всего ценятся чернобурые лисы, как наиболее редкие. У москвитов (русских) знатные вельможи носят шапки, верха которых сделаны из меха. "Лисьи меха, особенно чернобурой лисы, – сообщает нам Герберштейн, – очень ценятся в Москве, где из них делают себе шапки знатные люди, за шкурку чернобурой лисицы нередко дают десять, а то и пятнадцать золотых".

Бурые лисицы занимают среднее место между вышеупомянутыми и обыкновенными рыжими. Полосатых, которых Джонстон называет "крестоносцами", он описывает следующим образом: "От самой морды по голове и вдоль спины до хвоста у них тянется черная полоса, пересекаемая крестообразно другой такой же, идущей поперек спины к передним лапам".

Этот сорт ставится выше обыкновенных лисиц и отличается от них еще большим ростом и густотой меха. У серебристых, или пепельно-голубоватых, лис не все волоски меха одного цвета; более длинные волоски на концах темнее, чем у корня, а короткий пушок светлее, местами почти белого цвета, так как общая окраска является в ре-

зультате смешения всех этих оттенков, Олаф Магнус называет их лазоревыми, или голубыми. По его словам, они считаются менее ценными, чем другие. То же он говорит и о белых лисицах, мех которых обыкновенно очень недолговечен: "Меха бурых лисиц ценятся дешевле, так же как и лазоревых или голубых, т.к. лисицы эти водятся во множестве, да и волосы их меха скоро выпадают, будучи слабо прикреплены к коже".

Охота на лисиц легка на горных вершинах, где они бросаются в глаза, благодаря своему цвету, в лесах же на снегу их трудно заметить.

Про куниц можно сказать, что, пожалуй, ни в какой другой стране не добывается столько кунных мехов, как в Лапландии. Среди них также различаются более дорогие и более дешевые сорта. Особенно ценятся куницы с желтоватым мехом на шее. Они водятся только в лесной области Лапландии и никогда не встречаются в горах. Это объясняется тем, что куницы охотятся почти исключительно за белками и лесными птицами. "Ночью, – говорит Олаф Петерсон, – пользуясь своими острыми когтями, они бесшумно взбираются на деревья и истребляют живущих в дуплах белок. Спасаясь от них, белки влезают на самую верхушку дерева или на тонкие края ветвей, куда за ними не может последовать их враг. Если и это не помогает, они скачут с ветки на ветку и с дерева на дерево.

Кроме белок, куницы ловят птиц больших и малых, дремлющих ночью на ветках деревьев. Подобравшись к ним, куницы разрывают их острыми когтями и пожирают с жадностью. Сильные птицы иногда взлетают вместе с вцепившимся в них зверьком, который даже в воздухе не выпускает свою добычу и грызет ее зубами до тех пор, пока она полумертвою не свалится на землю".

За куницами следуют белки, в невероятном количестве водящиеся в Лапландии. Они ежегодно меняют цвет – из обыкновенных рыжих летом становясь зимой серебристыми. Именно этот последний цвет беличьего меха особенно ценится охотниками. По словам Самуила Реена, оттенок его особенно чист у белок, живущих на Крайнем Севере, где зима держится дольше и, следовательно, зимний меховой покров сохраняется в неприкосновенности. Поэтому лопари охотятся на белок только зимой, а летом не обращают ни на них никакого внимания.

Несмотря на то, что белки массами водятся в Лапландии, бывают годы, когда они как будто куда-то исчезают, уходя, вероятно, на новые места. Причина таких переселений не совсем ясна. Некоторые полагают, что белки уходят из лесов, побуждаемые к тому недостатком привычной им пищи, другие – что они предчувствуют какие-нибудь иные опасности, грозящие их племени, как, например, лесные пожары, нашествие хищников и т.п.

Как бы то ни было, но иногда белки совсем уходят из данной области, переплывая при этом реки и переправляясь через озера. Олаф Петерсон так описывает одну курьезную переправу этих зверьков, виденную им собственными глазами: "Белки стайками сбегают к озеру и усаживаются на прибитые к берегу куски дерева или сосновой и еловой коры и, как на плоте, распушив поднятый сверху хвост в виде паруса, относятся ветром на середину озера. Иногда быстрое течение или порыв ветра опрокидывает их суденышко и при такой переправе они тонут массами. Тела их затем прибывает к берегу, и лопари собирают их иногда в большом количестве. Если они недолго пробыли

в воде и шкурки их не успели намокнуть, то они пускают их в дело". Олаф Магнус говорит, что таким способом они переправляются даже через реки и хотя немногие из них благополучно достигают противоположного берега, но убыль их быстро восстанавливается, т.к. самки дают в один помет четырех, пяти, а то и больше детенышей.

Кроме этих диких животных, перечисленных Самуилом Рееном в приведенном нами выше описании животного мира Лапландии, там водятся еще и некоторые другие, как, например, соболя. О соболях упоминает Олаф Магнус, а Джонстон в своей "Естественной истории животных" говорит о них: "Лучшие соболя меха находятся в Тартарии и Лапландии". Соболя меха в Лапландии носят только женщины, особенно невесты, как видно из цитировавшегося уже нами места из сочинений Магнуса: "Невеста, разряженная в горностаевые и соболя меха".

Соболя попадаются, однако, в Лапландии довольно редко. Этот зверь размером и строением тела ближе всего напоминает куницу. Смолисто-черный цвет его меха бывает разных оттенков, из которых особенно ценится самый темный. Как большая редкость встречаются белые соболя. Я видел несколько экземпляров этого рода, поднесенных в дар шведским королям московскими послами. По-видимому, их имел в виду еще Адам Бременский, писавший о "белых куницах", водящихся в Скандинавии.

Самуил Реен не упоминает в своем перечне и о горностае, несмотря на то, что именно Лапландия была некогда главной поставщицей этих драгоценных мехов. "Лопари выменивают на разные товары, – замечает Павел Иовий, – белоснежные меха драгоценных горностаев". Горностаи эти, в сущности, не что иное, как белоснежные ласки, хвост которых оканчивается совершенно черным кончиком.

Горностаи отличаются от ласки только цветом, да и то белоснежным он бывает только зимой, а летом слегка рыжеет, подобно другим видам ласок. "Зимой на снегу совершенно невозможно заметить этого белоснежного зверька, – пишет о горностае Олаф Магнус, – но летом, в конце мая он сбрасывает свой белый мех и рыжеет".

Подобно ласке горностаи охотятся на мышей. Скалигер самого горностае называет "шведской мышью" (*mus suecicus*), с чем я никак не могу согласиться. Скорее можно отнести к мышам другой вид мелких животных, называемых там *lemmus*, мясом которых также питаются горностаи.

"В Лапландии попадает особый вид мышей, – пишет Самуил Реен, – которых там называют горными мышами или "lemblar" (норвежские лемминги. – Прим. ред.). Олаф Вормий описывает подробно один из экземпляров этого рода зверька в своем "Музее", где даже дается тщательно нарисованное изображение его. Из этого рисунка видно, что хвост у него очень короткий и шерсть редка, так что он лишь отчасти напоминает мышь.

Самуил Реен замечает, что эти зверьки внезапно появляются целыми полчищами, сплошь покрывая землю, как птицы во время весенних и осенних перелетов, и притом чаще после сильных дождей. Вследствие этого обстоятельства Олаф Магнус высказывал даже предположение, что они зарождаются в облаках и падают вместе с дождем или наносятся ветром, в чем, однако, он, видимо, все же несколько сомневался.

Другие ученые объясняют связь дождя с массовым явлением этих животных иначе, они думают, что потоки

воды затопляют их норки и, таким образом, выгоняют их на поверхность земли. Это объяснение мне лично кажется наиболее вероятным. Следует заметить, что эти зверьки отнюдь не пугливы, а дерзки и шумливы. Двигаясь большими толпами, они пищат, кусаются, подпрыгивают, не страшась даже человека, отбивающегося от них палкой, в которую они с визгом вцепляются зубами, ослепленные дикой яростью. К счастью лемминги никогда не вторгаются в лопарские жилища, а скрываются обыкновенно по оврагам, заросшим кустарником. Иногда полчища этих странных животных сражаются между собой совсем как две неприятельские армии. Эти мышинные бои лопари рассматривают, как предзнаменование настоящих войн Швеции с какой-либо из соседних держав. Они пытаются даже разгадать, с какой именно стороны произойдет нападение врагов, судя об этом по тому, откуда появились сражающиеся между собой звери.

Грозой этих зверушек являются горностаи; лисицы также истребляют их немало и сотнями затаскивают к себе в норы. Насытившись ими, лисицы иногда совсем не идут на приманки, приготовленные для них лопарями возле капканов и ловушек. Как это ни странно, но, по словам Олафа Петерсона, ими питаются иногда даже олени, особенно летом, пожирая их вместе с травой, и лопарские собаки, которые, впрочем, едят только переднюю часть этой горной мыши, т.к. задняя ее часть заключает в себе какие-то вредные для собак вещества, вызывающие у них заболевания.

Помимо энергичного истребления этих грызунов всеми вышеупомянутыми животными, они сами иногда ни с того, ни с сего исчезают и гибнут так же внезапно, как и

появились. Олаф Магнус ставит их гибель в зависимость от пожираемой ими вновь пробивающейся зеленой травы, но, по-видимому, иногда это случается и по другим, не вполне ясным для нас причинам. Мыши внезапно мрут целыми массами, при этом они взбираются на деревья и подвешиваются на их ветках или же сами кидаются в воду озер и рек, где и тонут. В некоторых местах из трупов их образуются целые холмики, заражающие окрестность запахом разложения.

Следует, наконец, назвать еще зайцев, также забытых Самуилом Рееном. Их тоже немало водится в Лапландии. Лопари ценят их мягкий и пушистый мех, особенно в зимнее время, когда он белеет и своим блеском напоминает лисий. Подобно другим северным пушным зверям, зайцы, как известно, меняют шубку в зимнее время по мудрому промыслу природы, которая этим способом облегчает им возможность стать неприметными на фоне белых снегов.

Как будет видно из дальнейшего, не только мелких животных, но также и птиц природа защищает таким изменением окраски от истребления хищниками и человеком. "Достоверно известно, — пишет о зайцах Олаф Магнус, — что они вскоре после осеннего равноденствия при первом же снеге меняют мех, сбрасывая обычный для них серый и заменяя его снежно-белым". Нередко случается, что зайцы, пойманные в это время, еще не целиком выпяняли и одна половина тела у них осталась серой, в то время, как другая уже успела побелеть. В середине зимы этого уже никогда не бывает, и попадаются одни лишь белые зайцы. На этом мы и закончим главу о диких животных, которые водятся в Лапландии.

